

Сводить счёты после осенней жатвы[1].

Чтобы в будущем году ветер был мягок и дожди благоприятны [2] проводились празднества поклонения, которые длились с весеннего равноденствия [3] и до ясных дней первых чисел апреля. Приблизительно все эти пятнадцать дней выдались для Юн Ци крайне хлопотными и тяжёлыми.

В императорском дворце поклонения были очень необычными: обряд проводился за пределами городской стены на знаменитом природном жертвеннике [4], который находился в Тяньюйтане. После чего выбирался обряд, обсуждался его процесс с чиновником из министерства церемоний, открывался алтарь. Последовательность правил была до крайности сложным делом, которое не терпело даже малейшей ошибки.

Юн Ци являлся управляющим делами императорской семьи, поэтому совмещал много должностей: он официально возглавлял церемонию, а также заведовал общим сбором вещей, необходимых для обряда. Поскольку все деньги проходили через его руки, к нему каждый день приходили просить средства на покупку всего необходимого для церемонии, а также беспрерывно просили дать указания, из-за чего юноше приходилось сталкиваться с огромным количеством людей. К тому же Юн Ци нужно было постоянно отправлять дощечки во дворец, оповещая Его Величество, что старший брат приступил к делу. Всё это привело к тому, что юноше было проще написать докладную, где он просил у государя милостивого разрешения временно задержаться в Тяньюйтане, чтобы на месте вести дела.

Однако Юн Ци никак не предполагал, что Юн Шань неожиданно издаст указ, удовлетворяя его прошение.

После этого юноша отправился в Тяньюйтань, где временно остановился в местной резиденции, заняв крытую комнату.

Было нелегко. Однако пятнадцать дней празднества поклонения наконец-то подошли к концу, вслед за этим у всех людей Юн Ци, что были причастны к делу, от долгого томления за городом кружилась голова и круги плыли перед глазами, однако каждый из них получил поощрение, а милосердный князь, как бы там ни было, вздохнул с облегчением, ведь обряд прошёл без единой ошибки.

Поклонения закончились, и юноша спешно, причесавшись и сменив одежду, оседлал коня и, вернувшись во дворец, направился с докладом к младшему брату-императору.

Войдя в ворота запретного города, Юн Ци сразу почувствовал, что окружающее настроение существенно отличалось от обычного.

Придворные были необычайно тихими и с крайней расторопностью несли в комнату докладные, тёплую воду и получали императорские указы. Не было ни одного человека, который бы отлынивал от работы, никто не смеялся, перешёптываясь, или, уловив свободное

время, искал места, где бы отдохнуть, служанки семенили спешной поступью. Даже кашля не было слышно, любой незначительный шорох заставлял поднять лицо и осмотреть всё вокруг, во взгляде читалась неуверенность, а сами люди напоминали испуганных зайцев.

В душу Юн Ци закрались сомнения, ступая по белому нефритовому полу и пройдя через большие императорские ворота, юноша, проделав часть пути, внезапно остановился и замер.

Мельком взглянув на большую площадь, что была вне стен дворца, юноша увидел застывших коленопреклонённых людей, среди которых были чиновники, слуги, охранники, а также служанки. Сотни людей, лица которых были бледнее снега, от страха напоминали деревянных кукол.

Жестокие и вооружённые охранники, окружив придворных, держали их под строгим надзором.

Неожиданно увидев в этой толпе Чан Дэфу, который тоже стоял на коленях, находясь в первых рядах, Юн Ци невольно приблизился на два шага и спросил:

— Что здесь происходит?

Дрожа от страха, словно лист на ветру, Чан Дэфу тотчас же заплакал, увидев князя, и, слёзно умоляя, проговорил:

— Ваше Высочество, окажите милость! Умоляю Ваше Высочество, дайте хороший совет Вашему слуге, Ваш слуга правда... правда никогда не обижал Ваше Высочество...

— Скажи как следует, что, в конце концов, ты натворил?

— Ваш слуга тоже... не может сказать... не может сказать, в чём провинился... у-у... и это затронуло всех придворных... Ваше Высочество, Ваш слуга много лет служил Вам верой и правдой, не останьтесь равнодушным... — задыхаясь от слёз, проговорил Чан Дэфу.

Стоящий в стороне охранник громко выругался:

— Закрой рот! Император приказал тихо стоять на коленях в ожидании смерти, никому не разрешается болтать. А ты посмел жаловаться Его Высочеству? — Ещё больше разозлившись, охранник поднял ногу, намереваясь проучить Чан Дэфу.

Но Юн Ци остановил его.

Чан Дэфу проронил нечто неразборчивое, что даже Юн Ци не понял, что именно тот сказал. Подумав с мгновение, юноша вновь обратился к придворному евнуху:

— Не нужно плакать, я сейчас пойду и всё выясню. Ты достаточно долго заботился о государе, и если ты что-то натворил незначительное, то, думаю, наказание будет не слишком суровым. — Сказав это, князь направился к внешним воротам дворца.

Переступив порог дворца, Юн Ци заметил, что царящая там атмосфера была ещё более напряжённой, даже охрана, стоявшая в крытой галерее возле дверей, выглядела бледной как смерть.

Юноша, находясь в крытой галерее, увидел согнутого Ван Цзинцяо, медленно выходящего из комнаты императора, и тихо окликнул его:

— Наставник Ван.

Лицо старого Ван Цзинцяо было несколько удручённым, словно мужчина столкнулся с какой-то необъяснимой и сложной задачей. Юн Ци вновь позвал его, и лишь тогда наставник, заметив, обернулся. Слегка приоткрыв застланные старостью глаза, Ван Цзинцяо увидел старшего сына императора Янь-ди и спешно подошёл к нему:

— Ваше Высочество вернулся? Успешно провели поклонение?

— Всё прошло хорошо. — И юноша, указывая взглядом на комнату юного императора, поинтересовался: — Государь там?

Старый наставник неспешно кивнул и неизвестно почему слегка вздохнул.

Юн Ци спросил:

— В чём провинились те слуги, что стоят снаружи на коленях? Я видел, что Чан Дэфу тоже стоит там. Если дело незначительное, то, когда войду, попрошу пощадить их. Если же были нарушены правила главного обряда, я тогда оставлю это без внимания.

Ван Цзинцяо обернулся, посмотрел на дверь, ведущую в комнату, и, тихонько потянув Юн Ци в сторону, шёпотом объяснил:

— Ваш старый слуга уже убеждал государя, но безуспешно. Государь на этот раз впал в ужасную ярость и только что чуть ногой не опрокинул императорский письменный стол, сказав, что хочет всех этих слуг удушить...

— Что? — Юн Ци вздрогнул и, изменившись в лице, переспросил: — Удушить? Но я заметил, что этих провинившихся слуг более сотни. Пусть дело крайне серьёзное, однако есть разница между главным обвиняемым и сообщниками. Как можно их всех предать смертной казни? Что, в конце концов, они совершили?

Ван Цзинцяо в недоумении окинул взглядом Юн Ци.

— Это большое дело случилось перед шестнадцатым числом, из покоев лекарей кто-то воровал лекарства, выяснилось, что это делает один из придворных слуг. Позже его поймали, только он не признавал своей вины даже под пытками, но вскоре всё же признался в деле минувших дней, сказав про успокаивающий душу порошок, которым, как оказалось, опаивали Ваше Высочество. Ведущий судебное дело чиновник сильно испугался, выяснив это, ведь попытка покушения на жизнь Вашего Высочества — серьёзное дело.

Юн Ци вздрогнул всем телом и спустя мгновение робко спросил:

— Юн Шань, он... государь всё знает?

— Тогда-то и доложили Его Величеству. — Ван Цзинцяо по-прежнему с содроганием сердца вспоминал недавно проведённое тайное расследование. — Государь, прочитав докладную, так разозлился, что даже потерял дар речи, тотчас же он издал указ, повелевая Сюань Хуиню лично всё разузнать. Сюань Хуинь, в свою очередь, достал из покоев лекарей все имеющиеся записи о состоянии здоровья Вашего Высочества и начал тщательно их изучать. За последние десять дней было взято под стражу множество людей: придворные лекари, ученики придворных лекарей, слуги, что в те дни прислуживали во дворце наследного принца, служанки, охрана — все они были взяты под арест и допрошены. И лишь сейчас, можно сказать, что это дело завершено. Сегодня Сюань Хуинь передал докладные императору, теперь Вы видите, какое наказание выдвинул Его Величество.

Долгое время находясь в растерянности, Юн Ци со вздохом сказал:

— Не удивительно, что моё прошение задержаться в Тяньюйтане было мгновенно удовлетворено.

— Ваше Высочество, — Ван Цзинцяо, понизив тон, начал объяснять, — если государь и впрямь удушит всех слуг, то, боюсь, народ Поднебесной осудит его и отвергнет. Среди этих людей есть те, которые действительно заслуживают смерти, однако есть и те, кому предъявили обвинение лишь за укрывательство. Именно тогда, когда государь впал в ярость, Ваш старый слуга со своими уговорами тоже не помог делу...

— Я отправлюсь к государю и уговорю его. — Юн Ци сделал жест рукой. — Прошу уважаемого наставника Вана не переживать, государь милостив и не позволит убить невиновных.

Обратившись к Ван Цзинцяо, юноша слегка кивнул и, посмотрев на плотно закрытую дверь, которая вызвала чувство подавленности, взял себя в руки и спокойно шагнул вперёд.

Подойдя к двери, князь доложил сквозь деревянную преграду:

— Ваш слуга Юн Ци просит аудиенции Вашего Величества.

Юноша застыл в долгом ожидании, однако так и не услышал ни звука в ответ.

Юноша вновь доложил, только на этот раз слегка повышенным тоном:

— Ваш слуга Юн Ци просит аудиенции Вашего Величества.

Спустя очень долгое время Юн Ци наконец-то услышал мрачный голос, донёсшийся из комнаты:

— Войди и закрой дверь.

Толкнув деревянную преграду, юноша вошёл и, осторожно закрыв дверь, поднял голову, выискивая взглядом Юн Шаня.

Все окна были занавешены, а в самой комнате царил беспросветный мрак, вызывая на сердце холод и уныние.

Юн Шань сидел за столом, украшенном резьбой в виде золотого дракона с пятью когтями. На самом же столе лежали кипы бумаг, половина из которых были разбросаны, создавая сплошной беспорядок.

Увидев вошедшего Юн Ци, юный император даже слова не проронил, лишь одарил высокомерно-острым и внимательным взглядом. В комнате Сына Неба царила мёртвая, словно в склепе, тишина.

Невидимый страх, что прятался по углам, сейчас, покинув убежище, опускался на плечи, сдавливая со всех сторон.

Милосердный князь, по-прежнему стоя на месте, в ожидании затаил дыхание. Без света юноша не мог видеть юного императора, однако чувствовал, как взгляд Юн Шаня пронзает тело, словно холодный клинок.

Боясь такого молчаливого младшего брата, старший брат слегка кашлянул и, специально сохраняя плавный мелодичный голос, неспешно проговорил:

— Когда Ваш слуга прибыл во дворец, то заметил на площади множество коленопреклонённых слуг. По слухам... император из-за одного дела желает предать всех слуг смертной казни?

— Тебе прекрасно известно, из-за чего Мы хотим это сделать, — с крайне редким холодом в

голосе проговорил Юн Шань и с такой же холодной усмешкой продолжил: — Здесь только что был Ван Цзинцяо и изо всех сил строил Нам препятствие, даже рискуя жизнью, представил письменное увещевание, но Мы его прогнали прочь. Теперь настала твоя очередь. Милосердный князь, ты правда хочешь пощадить тех слуг, что сейчас стоят на площади? Скажем тебе, Нам так и хочется даже тебя вместе с ними предать смерти!

От последней громко брошенной фразы даже кровля сотряслась. Больше не в силах сдерживать гнева, Юн Шань поднялся и одним взмахом руки смёл лежавшие на столе бумаги, которые, словно гонимые осенним ветром опавшие листья, упали на пол, а сам юноша раздражённо заходил по комнате взад и вперёд.

— Ты считаешь, что Мы из-за тебя провели это тщательное расследование, не так ли?

— Ты также считаешь, что Мы предаём их смертной казни только потому, что беспокоимся за тебя? Думая, что они умрут из-за тебя, ты явился просить снисхождения, не так ли?

— Ты считаешь, что Мы до сих пор надеемся на тебя и не сможем пойти вразрез с твоей значимостью, что одно лишь твоё слово — и Мы тотчас же пощадим их, не так ли?

Одно слово императора было подобно яростному рыку, который вырвался наружу, сотрясая хрупкие нервы.

— Юн Ци, ты предаёшься сумасбродным идеям!

— Мы совершенно не беспокоимся за тебя! Нас совсем не волнует, от чьей руки ты погибнешь! И уж тем более Мы не собираемся из-за твоей значимости щадить их!

После того, как младший брат вступил на престол, это было впервые, когда он без малейшего снисхождения порицал его, старшего брата.

Ярость Сына Неба была далеко не шуточным делом.

Услышав рык Юн Шаня, Юн Ци, не проронив ни слова, тихо опустился на колени.

Разразившийся руганью император увидел это, его взгляд дрогнул, а сам юноша замолк, словно что-то встало поперёк горла.

Он прекратил расхаживать по комнате, обернулся и издали посмотрел на коленопреклонённого старшего брата смешанным и крайне горестным взглядом.

На высокое, наполненное величием тело словно навалилось невыразимое чувство разочарования, которое с огромной болью и тяжестью давило на плечи юного императора.

Спустя очень долгое время Юн Шань наконец-то отвёл взгляд, медленно подошёл к стулу, тяжело опустился на него, словно потерпев поражение, и, понизив тон, спросил:

— В конце концов... кто Мы для тебя?

Но в ответ лишь молчание.

В каждом слове Юн Шаня чувствовалась тоска:

— Во дворце наследного принца тебя каждый день насильно опаивали лекарством, из-за которого ты чуть не лишился жизни, а Мы совершенно ничего не знали.

— У тебя не возникало мысли сказать Нам об этом?

Вновь молчание стало ответом.

— Держал Нас за глупца, который ничего не ведал, даже не знал, что ты чуть не лишился жизни.

Однако Юн Ци не проронил ни слова.

— Старший брат, ты действительно не слышишь меня?

Юн Ци свесил голову, не в силах оправдываться.

Юноша действительно ни в чём не был виноват, его насильно опаивали лекарством, из-за которого он чуть не умер, однако сам он не хотел ворошить прошлое, в конце концов, инициатором всего этого являлась его матушка, и эта была только их семейная трагедия.

Юн Ци позволил этому делу камнем утонуть в глубоком море [5], так как ему совершенно не хотелось, чтобы Юн Шань знал о нём.

Однако все эти слова, что являлись вескими доводами, Юн Ци не мог вымолвить.

Ведь такой сметливый человек, как его младший брат, уже наверняка обо всём догадался.

Глупцом здесь оказался лишь он, Юн Ци, и не подумал, что Юн Шань может так расстроиться, узнав правду.

Его любимый, сильный и желающий защитить младший брат-император, казалось, был

жестоко унижен самым близким человеком.

— Старший брат, зачем ты так со мной...

Полный отчаяния голос Юн Шаня причинял нестерпимую боль в груди старшего брата.

Юн Ци медленно поднял голову и посмотрел на сидящего на драконьем престоле[6] младшего брата, который был опечален, как ребёнок, и пальцы внезапно охватила лёгкая дрожь.

— Государь... — лишь позвал юноша и тотчас же подавился.

Он не знал, что сказать в утешение.

Юн Шань плотно закрыл лицо руками, не позволяя Юн Ци увидеть горестное выражение, сделал глубокий вдох, словно изо всех сил хотел вернуть себе самообладание, и слегка покачал головой:

— Уйди, Мы... Мы не хотим тебя видеть.

Юн Ци внезапно обеспокоился.

— Юн Шань, — позвал уже по-другому юноша и, поднявшись с пола, чуть приблизился к младшему брату. — Юн Шань...

Сейчас младший брат был в его глазах, и юноша мог заметить, как слегка подрагивают его плечи, конечно же, Юн Шань был очень зол, но и в то же время крайне опечален.

Всегда серьёзный и спокойный Юн Шань сейчас был хрупким. Юн Ци боялся смотреть на такого младшего брата.

Юноша хотел хлопнуть Юн Шаня по плечу, утешить его, что-нибудь сказать, чтобы успокоить, но его руки также были охвачены дрожью, и он, не зная, что предпринять, долгое время пробыл возле старшего близнеца. Милосердный князь всё же беспомощно опустил руку на плечо, как обычно делал это Юн Шань, когда хотел утешить Юн Ци.

Этот старший брат действительно бесполезный.

— Юн Шань... Младший брат, ты... ты прав, я не должен был скрывать это от тебя, — Юн Ци глубоко вздохнул. — Это старший брат виноват, и старший брат... просит у тебя прощение.

— Уйди.

— Впредь... я больше так не поступлю, что бы ни случилось, я всё буду рассказывать тебе.

— Уйди, — лишь холодно проронил Юн Шань, больше напоминая каменное изваяние.

Чем чаще юноша просил уйти, тем больше Юн Ци охватывало беспокойство.

— Я виноват, накажи меня.

— Уйди.

— Можешь наказать меня... как пожелаешь. Каким бы ни было наказание... каким бы ни было наказание, я всё стерплю... — Из-за сожаления, что таилось в глубине сердца, Юн Ци закусил нижнюю губу, использовав единственный козырь, который мог взволновать Юн Шаня.

Когда юноша умолял юного императора сменить гнев на милость, младший брат лишь устало вздохнул, позволяя Юн Ци это заметить.

Юн Шань медленно махнул ему рукой и без каких-либо чувств проговорил:

— Уйди, эти дни тебе тоже трудно дались, тебе стоит пойти и отдохнуть. Как только Мы придём к какому-либо выводу, то, конечно же, скажем тебе свою волю.

Глаза Юн Ци в одно мгновение померкли, словно тот блеск, что был в них, бесследно исчез.

— Ваш слуга... подчиняется указу, — сказал юноша, почти задыхаясь от слёз, и с трудом проявил учтивость.

Юн Шань проводил взглядом старшего брата, который покинул комнату в расстроенных чувствах, тоска с горечью заклокотала в груди, однако сам юноша не проронил ни слова, чтобы окликнуть и остановить его.

Охваченный растерянностью Юн Шань сидел в комнате, не желая ничего делать, и, стиснув зубы, смотрел на сделанную из сандалового дерева подставку для цветов.

Неизвестно сколько прошло времени, как в помещение спешно ворвался придворный евнух, в его лице не было ни кровинки. Слуга доложил новости:

— Государь, милостивый князь, он...

Юн Шань испугался:

— Что с ним случилось?

Сердце вдруг словно оборвалось.

Этот старший брат не мог же... не мог же за столь короткое время натворить каких-то глупостей?!

— Милостивый князь, он... он отправился во Дворец Наказаний.

— Что?

— О-он... он сказал, что виновен в сокрытии правды от императора и хочет... наказать себя...

Вновь вернувшийся главный смотритель Дворца Наказаний Чжан Чэнь, как только услышал, что знаменитый милосердный князь неожиданно явился во Дворец Наказаний, тотчас же испугался.

Однако мужчина услышал цель прибытия юноши, и его чувство страха нельзя было назвать испугом.

— Князь, Вы хотите сами себя заключить здесь?! — Пусть даже мужчина прослужил много лет во Дворце Наказаний и повидал много странностей, однако всё же не мог не вскрикнуть от услышанного.

Это место было запретным для членов императорской семьи, однако за всю правящую династию, пожалуй, нынешний великий князь был единственным, кто требовал посадить себя во Дворец Наказаний.

С горьким смехом Чжан Чэнь сказал:

— Ваше Высочество, это не соответствует правилам. Дворец Наказаний — это место, где человека наказывают в назидание на будущее, а с Вами всё в полном порядке, и Вам не следует сюда являться, когда захочется.

Юн Ци холодно проговорил:

— Почему мне не следует сюда являться? Я великий князь, заведую делами императорской семьи и имею право отягчать вину императорского рода. Сейчас я являюсь преступником, так как скрыл правду от императора, меня необходимо заключить в тюрьму. Согласно правилам, ты должен немедленно запереть меня.

Это была великая истина, даже Чжан Чэнь ничего не мог поделать и на самом деле не осмелился ослушаться приказа. Ему ничего другого не оставалось, как подозвать двух слуг и приказать им:

— Заприте милостивого князя в маленькой камере.

Юн Ци, выразив благодарность и перед тем, как уйти, казалось, кое-что вспомнил, вновь остановился и обратился к Чжан Чэню:

— Есть одно дело, я думал над ним долгое время и сегодня хочу спросить тебя.

— Что князь хочет узнать?

— Ты ещё помнишь, когда меня впервые заключили сюда и допросом руководил второй сын императора, а после того, как ты задал мне пару вопросов, он позвал тебя выйти на улицу [7]?

— Было такое.

— Он... О чём всё-таки вы с ним говорили?

Чжан Чэнь слегка изменился в лице.

В конце концов это дело минувших дней, однако впечатления оказались глубокими, ведь он, Чжан Чэнь, впервые испытал мощь и методы нынешнего императора, которыми нельзя было пренебрегать.

Немного поразмыслив, Чжан Чэнь приказал двум слугам выйти за дверь и, оставшись с князем наедине, проговорил:

— Раз уж это спрашивает сам князь, я отвечу прямо и немедленно. В тот день нынешний император, когда вывел Вашего слугу на улицу, сказал всего лишь пару фраз, позволяя Вашему слуге запомнить их на всю жизнь.

— Что сказал?

— Он сказал, — и Чжан Чэнь, повторяя ту холодно-беспощадную интонацию Юн Шаня, произнёс, подчёркивая каждое слово: — «Если во Дворце Наказаний хоть один волосок упадёт с головы Юн Ци, я из тебя душу вытрясу».

Услышав это, Юн Ци почувствовал, как теряет рассудок; стоя с растерянным видом и не проронив ни звука, князь непрерывно смотрел в сторону.

Чжан Чэнь слегка испугался, ведь этот человек является не только князем, но и старшим сыном императора Янь-ди, и если во Дворце Наказаний с ним случится малейшая неприятность, то будет беда. И мужчина тотчас же шёпотом несколько раз позвал:

— Ваше Высочество? Ваше Высочество?

Юн Ци медленно вернул прежнее выражение лица, опустил голову, задумавшись на долгое время. Неизвестно, о чём молодой князь думал, однако на его лице внезапно появился румянец, а сам юноша с силой прикусил губу, словно, решаясь на что-то.

— Чжан Чэнь, та... — Юн Ци немного замешкал, но в конце концов всё же набрался смелости и сказал: — Та красная верёвка, которой раньше связывал меня государь... ещё осталась?

Чжан Чэнь испугался:

— Сейчас... сейчас, сейчас... Ваш слуга правда... правда не осмелится...

— Докучаешь болтовнёй, если есть... если есть, то сейчас же достань. За это важное дело нынешний князь сам понесёт ответственность.

Разгневанный Юн Шань, взяв императорский паланкин, приехал лично. Увидев встречающего Чжан Чэня, он сначала прекратил его болтовню и, сказав, что прибыл за шумным милостивым князем, строго спросил:

— Где он? В какой камере ты его запер?

Чжан Чэнь медленно поклонился, принося извинения, и вновь ответил:

— Ваш слуга не осмелился обижать милостивого князя, с почтением выполнил его приказ, временно разместив в маленькой камере. Именно... именно в той, в которой государь приказывал запереть в те годы.

Услышав про ту маленькую камеру, Юн Шань внезапно вспомнил, что именно там впервые заполучил в свои руки Юн Ци. Та сцена до сих пор таилась в сердце, и её невозможно было забыть. Независимо от того, насколько сейчас он был разгневан, в душе Юн Шань всё же невольно слегка содрогнулся.

Приказав всем слугам остаться во дворе, юный император отправился лично в маленькую камеру искать Юн Ци.

Камера выглядела такой же, как и раньше: вокруг всё было обтянуто большим толстым войлоком, который скрывал от посторонних глаз всё, что творилось внутри комнаты.

Юн Шань, открыв дверь, вошёл, но внезапно остановился, застыв от удивления.

Спустя довольно долгое время юный император приоткрыл рот, вдыхая прохладный воздух, и, по-прежнему испытывая потрясение, посмотрел на прекрасный вид, открывающийся перед глазами.

Всегда стеснительный старший брат, сейчас находясь в камере, неожиданно обнажил превосходное белоснежное стройное тело.

На Юн Ци, кроме этих красных верёвок, которые придавали невероятно непристойный и соблазнительный вид, не было ничего.

Крайне соблазнительный.

Пара гладких и очаровательных лодыжек, связанных красной верёвкой, были раздвинуты в стороны и привязаны к большим приделанным к стене медным кольцам. Даже красивый член сейчас был выставлен напоказ из-за того, что не было возможности свести бёдра.

Две руки лежали на груди и, похоже, тоже были связаны красной верёвкой.

Яркая красная нить, контрастирующая с белоснежной кожей, заставляла неотвратимо, как и прежде, взволновать до дрожи даже мудрейшего Сына Неба, у которого были стальные нервы.

Юноша затаил дыхание.

Тело, которое не имело сил противиться и было в заточении, вызывало разрушительную одержимость, что была подобна злему духу.

— Заслуживает смерти! — после недолгого оцепенения рыкнул Юн Шань, словно придя в себя.
— Кто с тобой такое сделал?! Кто?!

— Кроме Нас, любой, кто увидит старшего брата в таком соблазнительном виде, заслуживает смерти!

На самом деле Юн Ци, у которого не было какой-либо уверенности, испугался рыка Юн Шаня.

Дрожь вышла из-под контроля, и красная верёвка, что связывала запястья, внезапно ослабла, мягко упав на красивый обнажённый живот.

— Я... я сам себя связал. Связал ноги, только... только... — Лицо залил стыдливый румянец, рёв Юн Шаня был подобен звонкой пощёчине, а самого юношу ругали так, словно он хотел

подобным низким способом соблазнить нынешнего императора. Несколько раз прикусив нижнюю губу, Юн Ци сказал, запинаясь: — Только... руки не смог связать, пришлось лишь слабо набросить на запястья верёвку.

Тело юноши слегка дрожало, не в силах устыдиться.

— Я полагал, что тебе... понравится. — Говоря это, юноша съёжился от страха.

Увидев, каким сверкающим взглядом Юн Шань одарил его, Юн Ци словно подвергся удару презрительной плётки, и внезапно, прилагая все усилия, суетливо [8] начал развязывать верёвку на лодыжках:

— Это я дурной, я потерял стыд и совесть!

Один конец верёвки, что связывал правую ногу, из-за спешки оторвался от медного кольца.

— Старший брат. — Юн Шань внезапно обнял Юн Ци и, схватив его руку, не позволил юноше продолжить освобождать себя. Голос стал притягательно ласковым, а сам юный император мягко начал винить старшего брата: — Конечно, это старший брат дурной, это всё вина старшего брата. Нет, это преступление. Соккрытие правды от Нас — преступление.

— Юн Шань... — Находясь в мягких объятиях младшего брата, Юн Ци почувствовал, как его тревога бесследно улетучилась [9].

— Кроме старшего брата, никто в этом мире не смеет так понукать императором.

Юн Шань сетовал на Юн Ци, однако на красивом лице появилась переполненная чрезмерной любовью улыбка, а подушечки пальцев коснулись обнажённого члена, умело лаская его.

— Нг... — смущающий стон внезапно вырвался из груди.

Юн Ци старался сдержаться, неловко поглядывая на младшего брата.

Улыбка Юн Шаня стала ещё более глубокой:

— Если просишь прощения, то нужно это делать немного искреннее. Руки старшего брата не связаны, тогда позволю ему приласкать себя.

Скользнув несколько раз ладонью по члену, Юн Шань убрал благородные пальцы от уже увлажнившейся головки и, опустив голову, властно стал разглядывать Юн Ци:

— Прикоснись, старший брат. Прикоснись к своему красивому месту так, как обычно это делаю я.

Понятливый Юн Ци, на мгновение испугавшись, не знал, куда деваться от стыда.

Обнажённый, со связанными лодыжками, выставяющий напоказ член — всё это уже выглядело достаточно пошло, как он мог в присутствии младшего брата ещё начать... ласкать себя?

— Юн Шань...

Он запнулся на полуслове, думая отказаться, однако, встретив мгновенно изменившийся холодный взгляд Юн Шаня, юноша, больше всего боясь вновь вызвать немилость императора, не осмелился продолжить.

— Не медли, ведь это высочайший указ, — порочно улыбнулся Юн Шань.

Юн Ци слегка вздрогнул.

Сексуальные слова с оттенком принуждения вызвали в глубине души своеобразное сладкое чувство опустошения, которое было подобно назревающему урагану.

Голова была низко опущена, позволяя увидеть алый, словно вечерний закат, румянец, покрывающий шею сзади, а на коже выступили капельки пота, придавая ей соблазнительный таинственный блеск.

Неторопливо вытянув руку, Юн Ци робко коснулся плоти, которая уже затвердела.

— Не нужно лишь держать его, а нужно обходительно ласкать, поглаживая, как это делаю я, когда забочусь о старшем брате.

— Чуть сильнее сожми ладонь, медленно скользи вверх-вниз.

— Немного ускорь движения, старший брат.

Слушая наставления Юн Шаня, Юн Ци, краснея от стыда, молча и покорно подчинялся.

Липкие ласки позволяли обнажённой внутренней стороне бёдер соблазнительно напрягаться.

— Не думали, что порядочному и милостивому князю так нравится трогать свою плоть, а Мы всё же считали, что лишь Нам нравится это делать. — И, когда Юн Ци всё глубже и глубже

погружался в волны наслаждения, Юн Шань без какого-либо предупреждения согнул палец и погладил чувствительную головку.

— Ах! — громко застонал Юн Ци, почти расплакавшись.

Запрокинув голову, юноша важными глазами посмотрел на Юн Шаня.

Тот с любовью осыпал поцелуями лицо старшего брата и, словно кокетничая, проговорил:

— Не нужно останавливаться, старший брат, ласкай себя до тех пор, пока не кончишь.

Стоило Юн Ци покорно, глотая слёзы, заскользить по горячему от ласк члену, как пальцы младшего брата-императора, добравшись до тугого колечка мышц, тотчас же озорно скользнули внутрь.

— У-у... — Выражение лица Юн Ци давало понять, что юноша больше не в силах сдержаться. — Юн... Юн Шань...

И, обернувшись, умоляюще посмотрел на младшего брата.

Юн Шань внезапно не выдержал и нахмурил мужественные превосходные брови:

— Если старший брат не приласкает Нас, тогда Мы не приласкаем старшего брата.

Проникший внутрь палец холодно выскользнул из тела.

Юн Ци тотчас же почувствовал неловкость.

Юноша полагал, что Юн Шань вновь рассердился и собирается уйти, и, браня себя за безучастность, уже хотел было разомкнуть искусанные ярко-алые губы, желая сказать «не уходи», как его тело внезапно отяжелело.

Высокий и сильный Юн Шань навалился сверху, придавливая юношу к кровати.

Так как левая нога всё ещё была привязана красной верёвкой к медному кольцу, то, когда Юн Ци повалился на кровать, она наполовину зависла в воздухе, придавая юноше крайне развратный вид.

— Мы не станем ласкать руками, Мы приласкаем старшего брата императорской плотью!

Императорские золотые уста и яшмовые речи [10] были сказаны так, как и задумывались, более того, им совершенно не нужен был здравый смысл и объяснение.

Юн Ци, ощутив, как сильно укусили мочку ушка, почувствовал боль и одновременно жар.

— Юн Шань, больно... — тихо, словно моля о пощаде, сказал юноша.

Больше не кусая его, император смочил языком ушко и мягко проговорил:

— Старший брат, не бойся.

Юн Шань выпрямился и, встав между широко разведённых бёдер Юн Ци, приподнял его тонкую талию.

— Ах!

Горячая плоть, проникнув в юношу, словно овладевала, заполняла каждую клеточку жаром, болью и сладостным чувством.

Милостивый князь не смог сдержать крика.

Во влажных глазах появилась рябь, которая напоминала испачканные чёрной тушью пятнышки, ввергая сознание во тьму.

— Продолжай ласкать себя, старший брат.

— Нет... нг... ах... не... не могу...

Юн Шань был настолько силён, что Юн Ци вслед за каждым проникновением невольно тёрся обнажённой спиной о простыни.

Каждый раз, когда разгорячённый член юноши выскальзывал из сжатого колечка мышц, слизистая оболочка обильно сочилась влагой.

— Так не пойдёт! На этот раз старший брат добровольно пришёл с повинной, а значит, следует продержаться до конца.

— Юн Шань...

— Если будешь непослушным, то Мы тотчас же верёвкой свяжем плоть старшего брата! И не

позволим старшему брату ласкать себя, как ему вздумается.

Угрожающие слова Юн Шаня напугали Юн Ци, более того, выходки младшего брата, к которым он прибегал, будучи в постели, зачастую доводили до горьких слёз.

— Итак, будешь послушным?

Слова ещё срывались с уст юного императора, а его страстный натиск вовлекал Юн Ци в глубокий водоворот наслаждений.

Постепенно юноша даже слова вымолвить был не в силах, выгнув шею, он лишь влажно стонал.

Слишком постыдно.

Юн Ци привык к натиску Юн Шаня только спустя некоторое время...

После проникновенного напора старшего близнеца в охваченное жаром и распухшее нутро стыд постепенно изменился, став похожим на своеобразное ощущение удовольствия.

Раньше, когда юный император проникал в Юн Ци, он с особой нежностью ласкал член старшего брата, однако сегодня такого не было.

Юн Ци ощущал, как между ног всё было охвачено жаром и болью.

Очень хочется... чтобы младший брат приласкал там...

Пусть нынешний император прикоснётся к постыдному месту старшего брата...

— У-у... А! Нг... Юн Шань... государь... государь... а-ах!

Юн Шань с силой выпрямился и неожиданно начал двигать бёдрами то влево, то вправо.

Изменённый угол проникновения взволновал Юн Ци, заставляя всхлипывать и отчаянно закачать головой.

Юн Шань, не желая становиться слишком жестоким, вновь прибег к другому плану, который всё мог уладить. Юноша, словно капризничая, стал упрашивать:

— Старший брат, приласкай себя. Ведь ты говорил, что хочешь вернуть мне должок. Ты сам это сказал.

Сильное желание, что охватывало тело, к тому же требования младшего брата — всё это постепенно наносило удар, разбивая в прах чувство стыда.

С дрожью в руке юноша неторопливо потянулся к низу живота.

— Старший брат действительно послушен, — Юн Шань похвалил его, испытывая удовольствие.

Хоть они с Юн Шанем сближались уже множество раз, однако для лежащего на кровати обнажённого Юн Ци, который подвергался страстному натиску единокровного младшего брата и одновременно ласкал себя рукой, это по-прежнему было невообразимо развратно.

Юноша не только находился в объятиях младшего брата-императора, но в то же время прямо на его глазах постыдно ласкал свой член рукой.

Подвергшись до крайности стыдливим мучениям, Юн Ци, глотая слёзы, заметил, как сладкое чувство всё больше и больше охватывает тело.

Было вполне очевидно, что достоинство старшего брата исчезло без остатка...

Когда ладонь скользила по члену, из уретры тотчас же потекла прозрачная секреция, которая смачивала собой кончики пальцев, при каждом движении выделяя невыносимо смущающие серебряные нити.

— Нг... нг... у-у... Юн Шань... у-ум...

Когда Юн Шань начал проникать ещё сильнее, рука Юн Ци, которой он ласкал себя, помимо своей воли заскользила быстрее.

Тело было охвачено безумием, терзанием и одержимостью.

Чем яростнее Юн Шань овладевал его телом, тем сложнее приходилось Юн Ци контролировать собственные ласки.

Страстное наслаждение бушевало в крови, юноша чувствовал, что приближается к пику, однако подсознательно сжал плоть, не позволяя себе кончить.

«Хочу вместе с Юн Шанем!»

Такая безумная мысль неожиданно ураганом ворвалась в опустошённый разум Юн Ци.

Когда юноша с изумлением осознал, о чём подумал, Юн Шань, понимая сердцем и душой,

поцеловал его и трогательно улыбнулся:

— Старший брат, ты ко мне действительно добр.

Изумление Юн Ци внезапно исчезло, а из уголков глаз потекли слёзы.

Он, услышав слова Юн Шаня, вновь начал заниматься невыносимо-постыдным делом.

— Младший брат! — Вытянув руки, юноша крепко обнял тело юного императора, прижимая к себе.

Почти теряя голову, юноша подвергся неудержимой силе, что пронизывала тело.

Быстро увеличивающийся горячий ком, безжалостно давящий изнутри, расширился до предела.

Словно молния пронзила охваченное страстью тело, скользнув от низа живота и вдоль позвоночника и достигнув лба.

— А!

Юн Шань необычайно глубоко проник в тело старшего брата, отчего Юн Ци внезапно громко вскрикнул, а его поясница напряглась в неконтролируемой судороге.

Перед глазами вспыхнул ослепительно яркий свет.

Юн Ци ненадолго лишился рассудка, после чего почувствовал, как тело наполняет горячее мужское семя.

Именно Юн Шаня.

— Старший брат. — Пребывая в крайне одухотворённом настроении, Юн Шань наклонился и обжег горячими поцелуями лицо старшего брата. — Тебе больно?

Юн Ци покачал головой.

Внезапно покраснев от стыда, юноша неловко опустил взгляд.

— Хочешь ещё? — тихо, словно комар, пискнул он, спрашивая.

Юн Шань, держа Юн Ци в объятиях, внезапно обомлел.

Малодушный и нежный старший брат неожиданно... добровольно спросил... «хочешь ещё»!

Мудрый и могущественный император на этот раз действительно попался на крючок.

— Что старший брат только что сказал? — сдавленно и осторожно спросил Юн Шань.

Юн Ци покачал головой.

— Не нужно качать головой, ответь на Наш вопрос.

Но ответом было молчание.

— Если на вопрос императора подданный не проронил ни слова, то это считается огромным преступлением!

И вновь молчание.

— Скажешь то, что только что произнёс? «Хочешь ещё», ты это сказал? Говори! Вновь скрываешь правду от императора?

Всё также пряча взгляд, Юн Ци слегка покачал головой.

Долго не выдержав, юноша тихо засмеялся.

Юн Шань постепенно мрачнел, однако, услышав его смех, внезапно вздохнул свободнее и, ласково обнимая и поворачивая к себе лицо старшего брата, накрыл алые губы Юн Ци своими. И после поцелуя юный император сказал:

— Раз уж ты умоляешь, то Мы тотчас же сжалимся и проявим милосердие. Угу, сегодня этот император может позволить милостивому князю пять-шесть раз испытать удовольствие.

Высокое тело нависло над Юн Ци, готовое в очередной раз вторгнуться в него, однако, почувствовав, что это неподобающе, юноша снисходительно посмотрел на старшего брата:

— Но я правда хочу полакомиться тобой около пяти-шести раз.

Юн Ци, почувствовав, как горячий член уже напрягся и упирается в только что измученный вход, невольно слегка напрягся, однако не было похоже, что он собирается отказать юному

брату-императору, более того, слегка сжав губы, юноша ласково посмотрел на Юн Шаня.

Это являлось откровенным согласием.

Юн Шань удивился такому внезапно хорошему ответу и со вздохом сказал:

— Даже Нам не понять, о чём всё-таки думает старший брат. — Юноша приблизился и, обжигая губы Юн Ци поцелуем, двинул поясницей, медленно входя.

Почувствовав истому от проникновения, Юн Ци слегка застонал.

Слова, которые он прокручивал в голове, на самом деле оказались крайне просты.

И он, Юн Ци, также как и Чжан Чэнь, запомнит их на всю жизнь.

«Если во Дворце Наказаний хоть один волосок упадёт с головы Юн Ци, я из тебя душу вытрясу...»

Вспоминая сейчас эти слова, Юн Ци, находясь в руках младшего брата, который овладевал им, предположил, что все удовольствия являются само собой разумеющимися. И в этом нет места стыду и неловкости.

Хоть он являлся старшим из всех братьев, однако им овладевали, как женщиной, глубоко проникая.

Хоть Юн Шань часто и бессовестно принуждал его к этим постыдным вещам.

Хоть из-за частого проникновения внутри всё было охвачено жаром и болью, отчего на второй день даже лежать трудно было...

Однако этих слов было вполне достаточно.

«Юн Шань.

Младший брат.

На самом деле старший брат очень любит тебя.

Сильнее, чем Юн Линя.

Такие разные, непохожие друг на друга...»

Издавая болезненные, но в то же время пленительные стоны, милосердный князь изогнул губы в медово-тёплой улыбке...

Согласно строгому приказу мудрейшего и могущественного императора, никто и никогда не узнает о том, что однажды милосердный князь добровольно отправился во Дворец Наказаний.

Что же касается чудовищного замысла против старшего сына императора Янь-ди, то после нескольких сотен лет из-за давности это дело исчезнет без следа, оставив в истории лишь короткие и тусклые строки, подтверждением которых будут заниматься будущие поколения.

Некогда преданный наставник наследного принца и старый императорский слуга Ван Цзинцяо, после того как отправится на покой, оставит эти строки в одном из своих сочинений, которые будут называться «Повествование слуги».

А строки будут такими: «На втором году эпохи Жэньян проводилось огромное расследование, во время которого милостивый князь по возвращении во дворец получил аудиенцию у императора и спас сотню людей».

Вся история будет описана вкратце без причин и следствий, а что касается того, как спас, от чего спас, каких людей — всё это будет написано неясно.

Правду грядущее поколение так и не узнает.

Не удивительно.

Ведь слова померкнут в веках, как и множество воспоминаний.

Примечания:

[1] Альтернативное выражение: «цыплят по осени считают»

[2] Обр. о хороших перспективах на урожай.

[3] Также название одного из 24 периодов года, начинавшегося с 21 или 22 марта.

[4] Земляное возвышение.

[5] Обр. в знач.: исчезнуть бесследно, остаться без ответа.

[6] Образно о троне императора.

[7] Юн Ци говорит про тот разговор, который состоялся между Чжан Чэнем и Юн Шанем во второй главе новеллы.

[8] В оригинале фраза звучит как «руки заняты и ноги путаются», обр. в знач.: действовать бессистемно, суетиться, торопиться.

[9] В оригинале фраза звучит как «без крыльев, а улетело», обр. в знач.: потеряться, исчезнуть.

[10] Обр. в знач.: мудрые высказывания, добрый совет.

<http://bllate.org/book/13372/1189629>